

– А чего есть тогда?

– Ну, вот! Опять за рыбу деньги! Тебе Бога там мало? Ты здесь, брат, своё брэнное тело оставляешь, как изношенную тряпку, а твоя душа, бессмертная душа, к Богу отлетает. Потом твоя душа, если пожелаешь, новое тело получит. Юное, здоровое. Вернёт тебя Господь на землю. Душу твою вернёт. В новом теле.

– Ладно, дурак я. Уговорил. Тогда почему моя бессмертная душа, обретаясь в новом теле, никогда не помнит, что с ней было вчера?

Я долго ждал ответа...

Утром, друзья, я проснулся. Несмотря на тяжёлое похмелье, свой сон по-

старался, как смог, записать. В реальности с Мамоновым я «не пересекался». Но к концу беседы, точно помню, бутылка 0,7 литра осталась пустой. Это было накануне моего дня рождения, кстати. С четверга на пятницу.

А за поздравления, други мои, вам большое отдельное спасибо!

Р. С. Помер Пётр Николаевич 15 июля 2021 года. Царство небесное его мятущейся, скорбной душе. Но давайте будем надеяться, что заскушает он там по земной, неустроенной, бестолковой жизни, выпросит у Господа новое тело и вернётся к нам, потерявшимся в миру, потерявшим Веру, с живым Божьим словом... вразумит неразумных.

124

Охота

по зайцу

АФОНЯ Селезнёв, не старый ещё, угрюмый с виду мужик, воротясь из родни, проживавшей на другом конце города, застал у себя под окнами неизвестно чью новенькую светло-серую иномарку. Вокруг иномарки бродили куры, соседские и свои, греблись, а Афонин петух, недоумённо вздрагивая гребнем, долбил в зеркальном колпаке собственное нелепое отражение.

Судя по номеру, машина была нездешней, из области. В салоне, убранном коврами, звучал мягкий, задумчивый блюз. Но хозяина в машине не оказалось. Он появился от соседей справа и издали звучно окликнул Селезнёва по имени-отчеству:

– Афанасий Степаныч?! Наконец-то...

Перед Афоней стоял румяный, свежий мужчина лет сорока с уже изрядным животиком и, пожимая руку, приветливо улыбался.

– Не признаёте, Афанасий Степаныч? Как же так? А ведь приглашали сами, а? Ну, ну?..

Афоня никак не признавал.

– Чего тут стоять-то? Айдайте, стало быть... до дому тогда? – неуклюже пригласил он, пытаясь забрать у него свою руку.

Но приезжий сочно расхохотался и облапил Афонию за плечи. Он, видимо, привык делать всё обстоятельно.

– Э, ну нет! Так не пойдёт. Да что же ты, в самом деле, Афанасий? А ну-ка, вспоминай... Больничный городок, а? Онкологическое отделение... смертники, по сути? Ну, ну?.. Третья койка от тебя вправо...

– Сергей?

– Не-а. Спиридон.

– Сергеич?

– Точно! Спиридон Иванов я! Почти угадал. Ну, а теперь можно и в дом.

Минут через пять следом за Афанасием гость внёс в дом объёмистый саквояж, такой же рюкзак со множеством замков, карманов и застёжек и ружьё в новеньком щегольском чехле. По горнице распространился крепкий запах кожи, запах хорошего одеколona и дорогих сигарет, от которых рот у Афони тотчас наполнился слюною. Запах этот мигом вернул Афоне память. Он крикнул, наконец, смущённо. И полез в затылок.

– Дак это... инженером, што ль, будешь-то? Из управления?

– Ну!

Спиридон Иванов, сваливши с плеч тяжёлый рюкзак, хлопнул себя по ляжкам, разулыбался.

– Вспомнил-таки! Ф-фу... гора с плеч, ей-ей! Ты пойми, – весело зарокотал он, – еду к тебе и боюсь, а ну как не признаешь вовсе? То-то сраму... А всё равно еду. Что поделаешь, – кивнул Спиридон Иванов с улыбкой на ружьё, – охота пуще неволи. Да, помнишь ли, – вновь спохватился он, – когда выписывали, ты всю палату на радостях к себе пригласил, а? На зайцев? Руки у тебя трясутся, помню. Мыльницы, табакерки – в мешок. Жду, мол, ребята... если живы останетесь. А у самого едва слёзы... Ха-ха-ха! Вспомнил-то как?

– Дак это, ну? По табаку же.

Спиридон Иванов растерянно поморгал на Афону красивыми тёмными глазами.

– То есть?

– Ну, это... пахучие они у тебя.

– А, ха-ха! – И полез в карман за сигаретами. – Я их с детства, с пяти лет курю одни и те же. А у тебя и нос, надо

сказать. Не сам ли по зайцу ходишь? А? Да ты угощайся... Супруга где у тебя? В обиде, я думаю, не будет?

– Скажешь тоже... сам! – Афоня хмыкнул, залез в портсигар. – Кобель у меня. Да тот ещё... гулёна. По неделям, считай, дома не бывает. А супруга у сына на Дальнем Востоке гостует. Не скоро будет.

Через полчаса хозяин, предоставив гостю располагаться, как ему вздумается, сам отправился в обход по городским помойкам в поисках кобеля, хлопот с которым было больше, чем, если бы Афанасий держал, например, корову. По одним только штрафам за три года пришлось уплатить столько, что этих денег вполне могло хватить на небольшой мотоцикл. Ей-ей, дурнее твари Афоня Селезнёв в жизни своей не видывал.

Часа через два, воротившись и сажая кобеля во дворе на цепь, Афанасий услышал из избы возбуждённые голоса. Спорили между собой зять Селезнёва, Семён Осколков, мужчина дородный, с красной, будто свёкла, широченной физиономией, и гость Спиридон Иванов. Осколков в разговоре с кем бы то ни было, всегда брал тон покровительственного превосходства и говорил не иначе, как поучая, за что Афанасий Селезнёв своего зятка не жаловал. Сказать ничего не скажет дельного, а поучить обязательно поучит. Вот и сейчас голос зятя звучит уверенно, похозяйски:

– ...Нет, ты послушай, что я тебе скажу. Кто там тебе что говорит, всё это ерунда. В глаза им плюнь, – густо басил он, разливая по стаканам водку. – И в газетах в этих, что там писаки всякие, общественники кропают – всё это хреновина чистойшей воды. Да ты сам подумай! Чтобы одни только леспромхозы свернуть, перебросить на новое место, разбазировать... А потом, считай, склады, верхние, нижние, перевалочные базы оборудовать, да коммуникации к ним протянуть! Это, ой-ё-ёй, какими миллиардами пахнет! А кадры, чтобы их обучить? Тут местными одними не обойдёшься. Соображаешь? Это тебе

Спиридон Иваныч, собственно, в начале разговора был того же самого мнения. Он тоже говорил, что разговорами делу не поможешь, и что эффект от лесовосстановительных работ нужно определять не по вложенным средствам, благо средства какие-никакие вкладываются, а по конечному результату, и т. п. Но поскольку его, Спиридона Иваныча, обвиняли, упорно видя в нём представителя всяких бумажных организаций, он незаметно для себя принялся отстаивать обратную точку зрения. К тому же, как это часто случается, ни один из собеседников не слушал другого, а желал говорить сам, поэтому разговор скоро обратился в спор, спорщики начали перебивать друг друга, перешли на личности, и каждый очень раздражался, что с ним не соглашаются.

«Вишь ты, разорались-то как! – хмыкнул Афоня, подсаживаясь к столу. – А чё к чему, спроси их, ни один ведь не скажет. Балаболки...»

– А, Афанасий, садись! Садись давай. Угостить тебя, что ли, а? – И краснорожий Семён Осколков, усадив Афоню за Афонин собственный стол, щедрой рукой налил ему полстакана инженеровой водки. – Да ты постой, постой! стакан-то поставь. Не заберу, коль налил. Слетай-ка в кладовку за огурцами, малосольных там с десято-

чек... Не скупись, гость ведь как-никак. Ну, давай мухой, быстренько!

И больше не обращая на Афоню никакого внимания, опять заговорил с гостем:

– Про заповедники там всякие ты мне тоже, миляга, сказки не рассказывай. Это всё у них для галочки делается. Да чего далеко ходить. Как раз ты мимо ехал, по Бисерской дороге... Погоди не перебивай! Всё честь честью, утверди-

не буквы выводить, тут экономика! И ей плевать, чего вы там в своих газетах в защиту леса пописываете. Экономика, воображаешь? Она ни от каких организаций, ни от каких министерств не зависит! А вот они от неё зависят. И попомни мои слова – будут рубить, до последнего дерева будут. Из категории в категорию переведут и все остатки, которые по речкам, недорубы, семенники, всё подберут подчистую. Вот попомни.

ли, где следует, в область съездили. Теперь там таблички висят, дескать, охраняется государством. А что вышло? Чернохолуницкий леспромхоз как рубил там два года назад, так и сейчас рубит. Прямо по токам лесосеку тянут. По глухариным! Так-то вот. А ты туда же, заповедники... – победительно закончил он, хотя Спиридон Иваныч ни о каких заповедниках даже не заикался.

Афоня уже от дверей угрюмо поправил зятя:

– Не заповедник там... Заказник. Разница, стало быть. По закону рубят.

Его слова, разумеется, тоже не были услышаны. И вообще, разговор в таком духе, как всегда, ни одну из сторон к истине так и не приблизил.

Спиридон Иваныч, накричавшись досыта, до хрипоты, вдруг отлично понял это. И ему сделалось даже смешно. Но зато про себя он тотчас отметил, что оба они с Осколковым вопреки пустому препирательству внутренне пришли к убеждению, что собеседник попался толковый, и с таким собеседником есть о чём поговорить и можно приятно провести время. И, наверное, именно потому и приятно, хе-хе, что во весь разговор каждый из них слушал только себя, а никак уж не собеседника.

Спиридон Иваныч совсем развеселился от своих выводов и смотрел на жестикулирующего Осколкова радостно, улыбаясь ему во весь рот. Чёрт побери, какая это великолепная штука – жизнь!

Афанасий воротился с огурцами и большим шматом копчёного сала. Оценив закуску, Спиридон Иваныч извлёк из саквояжа вторую бутылку и поставил на стол. Все разом вдруг оживились, загалдели, радостно потирая руки и подмаргивая. Мир и согласие воцарились за столом, экологические распри были совершенно позабыты, и беседа потекла чинно и важно. Обсудили какой-то незначачий предмет, рассказали по анекдоту, и Афанасий дребезжащим тенорком пространно пожаловался на своё ружьишко. Тема оказалась бла-

годатной, познания неисчерпаемыми. И все трое взахлёб, яростно перебивая друг друга, принялись обсуждать отечественные марки ружей, затем перекинулись на иностранные, расставили те и другие по своим местам и едва вновь не переругались.

Потом хозяин с зятем, значительно супясь, по очереди долго крутили в руках инженеров *бокфлинт* штучной работы, глядели в стволы на кольца, оценивали посадистость, прикладистость ружья и одобрительно наконец покивали. Спиридон Иваныч, ударяя себя в грудь, истово клялся, что из этого ружья с полусотни шагов хоть сейчас всадит весь заряд в спичечный коробок, весь до единой дробины, и предлагал пари. Кое-как уговорили отложить выстрел на завтра.

Вскоре Осколков со Спиридоном Иванычем отправились смотреть кобеля, а Афанасия тем временем снарядили в магазин за сигаретами и продовольствием для предстоящей охоты. Спиридону Иванычу кобель не показался, не понравились уши, и он долго доказывал Осколкову, что у гончего, у настоящего,

уши должны висеть, как тряпки, а не ломаться углом, а это меск, а с меском настоящей охоты не будет, и что Афоня их надул. Но он, Спиридон Иваныч, хотя Афоня и надул, всё равно Афоню любит, даже уважает. Семён Осколков напротив, за глаза обругал Афоню дурнем и барышником, а кобеля в глаза назвал партизаном и подлецом, но и тотчас уверил друга Спиридона, что зайцы будут беспрерывно, он, Осколков, ручается ему за это собственной головой.

Афоню же, едва он появился, подхватили и внесли в избу на руках под марш Мендельсона, исполняемый на губах инженером, и застолье пошло по третьему кругу. Начались охотничьи байки, небылицы, одна другой краше, и так, в конце концов, растравили себе душу этими байками, что Осколков Семён не выдержал и что было мочи хряпнул кулаком по столу.

– Ну, черти... ша! Уговорили, иду завтра с вами. Так и быть.

И он светло повёл вокруг себя очами.

Уже часу в двенадцатом ночи затеялись даже петь, но из этой затеи ровным счётом ничего не получилось. Афоня Селезнёв голоса не имел совершенно и только дребезжал, словно крышка на кипящем чайнике; инженер Спиридон Иваныч, хотя и похвалялся всякими записями и дисками, не знал наизусть ни одной песни; наконец, оставался Осколков Семён, у него был и голос, и песен он знал пропасть, но все песни, как обнаружилось, пел на один мотив, который сам, похоже, и сочинил.

...За ночь прошёл дождь. На дворе сделалось зябко и сыро. Семён Осколков успел сбегать домой за ружьём и явился готовый к выступлению, в высоких сапогах и в брезентовке. Хозяин с гостем ещё только подымались. Обоих ломало с похмелья, света не зажигали, собирались впотьмах. На дворе слышно, как гулко, словно из бочки, взлаивал кобель, нетерпеливо гремел цепью.

Воротившись в избу, Спиридон Иваныч зябко передёрнул плечами, пробормотал:

– Неуютина какая... Бр-р!

С крыши где-то звонко и часто капало в подставленное ведро. Но дождь уже прекратился.

– Оно так, – хрипло подтвердил Осколков. – Теперь с каждого куста по ведру воды на тебя.

Светлячок его папиросы вспыхнул, прочертил темноту. С печи, отыскивая сапоги, не сразу подал голос Афоня:

– Тропа волглая, это пушай. След крепче держит.

Про себя все молча с ним согласились, но вслух никто ничего не сказал.

Когда выбрались за околицу, совсем уже развиднелось. Миновали поскотину, шли как будто всё вверх и вверх. В воздухе ещё висел тончайший водяной бус, похожий на туман, и значительно ухудшал видимость. Временами воздушные потоки разрывали мутную пелену, и в образовавшуюся прореху далеко можно было видеть светлеющие стернёю поля, перерезанные оврагами, и по оврагам сквозные, продутые ветрами перелески. Затем всё вновь затягивалось, словно бледнея, и опять перед Спиридоном Иванычем качалась широченная, словно стена, спина селезнёвского зятя с подмокшими, высоко поднятыми плечами.

Негромко переговариваясь, Семён с Афанасием решали, куда идти. Или на поля бывшего колхоза, давно заросшие, или в осинники на Потеринский лесоучасток, зайцев хватало и тут и там, и мнения поэтому разделились.

Их голоса звучали отрывисто, невнятно, словно отсыревшие, и Спиридон Иваныч, чтобы что-то спросить и услышать свой голос, спросил, какая кличка у кобеля. Оказалось, что полное имя, записанное в документы, было Дунай, но так его никто никогда не звал, а звали попросту Дунькой. Это был крепкий, высокий на ногах выжлец русской гончей с жёсткой светло-рыжей остью. И вообще, весь он был жёсткий, состоящий из одних углов, как если бы на металлический каркас натянули одну шкуру, ничем её не наполнив. Сильно

горбясь, выжлец шёл возле хозяина на поводке, и видно было, как работают выпирающие под тонкой шкурой углы лопаток. Иногда Дунька сильно тянул в сторону, за что тотчас получал по шее. Впрочем, на тычки он не обращал внимания совершенно. Иногда неожиданно останавливался и, расставив пошире лапы, отряхивался от воды, при этом так сильно крутил башкой, что уши его начинали хлопать, воспроизводя звук, похожий на взлёт тетерева. Охотники нервно хватались за ружья.

Отойдя от окраины на час пути, Афоня, наконец, остановился и невнятное что-то пробормотал себе в нос. Но его поняли; Семён Осколков, за ним Спиридон Иваныч сошлись, и все трое, не спеша, полезли по карманам за куревом... Чиркнула спичка. В воздухе запахло табачным дымком. Минут пять, молча, всласть курили, насупившись и глядя перед собой. Потом Афоня заплевал свой окурочок, вдавил каблуком в глину.

– Тут, стало быть, и почнём.

Он щёлкнул карабином, смотал поводок в карман.

Дунька, едва спустили, потянулся носом по очереди к каждому из охотников и, не оглядываясь более, скрылся в лесу. Полаз у него был широкий, стремительный. Но то ли заяц начал линять и лежал поэтому плотно, то ли дождь, хотя и не проливной, успел смыть жировой след – долгое время Дунька не давал знать о себе совершенно.

К тому времени распогодилось, сырость исчезла, и в лесу установилась стылая, звонкая тишина. С голых ветвей, накапливаясь, срывались наземь тяжёлые капли дождя, и со всех сторон слышно, как щёлкали они, падая, по облетевшему с деревьев листу. Небо давно уже было ярко-синим.

Афоня, хлопая голенищами по тощим икрам, шёл впереди и изредка давал голос. Походя, он шлёпнул на зависть товарищам забравшегося было в ёлки рябчика и равнодушно, даже не рассмотрев, сунул в котомку. Эффект

был тем неожиданней, что ни Осколков, ни гость не слышали даже перелёта. Увидев на себе завистливые взгляды, опять-таки не понял, а вместо того кивнул на высокий бугор, открывшийся влево за поворотом, пояснил:

– Покос мы здесь держали истари... Селезнёвы, то есть. Селезнёвский Бугор, так и прозывается. А теперь, вишь, без догляду зарос наглухо. Рябина-малина!

Афоня иногда сходил с дороги и шёл обочь или углублялся шагов на полтора в сторону – как потом понял Спиридон Иваныч – проверял запримеченные прежде места. Вскоре в одном из овражков он-таки подшумел зайца.

Спиридон Иваныч с Осколковым, заслышав с дороги хриплую матерщину, крики (Афоня подзывал выжлеца), ахнулись в овраг и по зарослям, через бурелом с двух сторон выскочили на него, держа наперевес ружья. Дунька, невесть откуда взявшийся, уже крутился тут и, напряжённо приседая на широко расставленных лапах, пахал мочкой носа заячьи запахи на земле, с шумом отфыркивался. Он живо разобрал след и с рёвом исчез в кустах, помкнул вдоль оврага. Гон быстро удалялся...

Заячья лёжка оказалась под замшелой колодиной, в углублении. Сухой, продавленный лист, мох, свалывшийся пух. Лаз верхней. Но отсюда, из оврага, обзора не было, склоны заросли сплошь, и охотники, цепляясь за кусты, поспешно карабкались на дорогу.

– Прошлый год... или позапрошлый, – задыхаясь, хрипел Афоня, – на этом самом месте, не поверишь... трёх штук взял. Из-под валежины. И на тебе, четвёртый ноне!

Спиридон Иваныч, возбуждённо блестя глазами, лез следом, смеялся.

– А матёрый, кажется, заяц, а? Афанасий Степаныч?

Гон, чуть слышный, начинал загибать в сторону и ушёл со слуха. Уже с дороги, не успев отдышаться, Афоня навострил ухо, согласно кивнул.

– Но... Вишь, крюку какого дал. Мо-

лодые, они эдак широко не ходят. Старый, должно.

Дорога здесь, некогда соединявшая небольшие лесные покосики, шла вокруг оврага и давала петлю. Оставалось теперь встать на эту петлю с трёх сторон и, затаившись, ждать.

Гон, всё ещё далёкий, опять появился на слуху, шёл ровно, без сколов и перемолчек. Можно было не торопиться. Где-то сзади, в овраге, трещал сучьями селезнёвский зять.

...Заяц вымахнул из кустов неожиданно скоро. Первым, едва появившись, заметил его Осколков.

– Гей... вылупились!!! Куда?! Вон оно... Уйдёт!.. – заорал он, выкатывая глаза и кидаясь для чего-то следом за зайцем, хотя мог стрелять сам.

Напуганный его криками, топотом, заяц ударился с дороги в сторону и редколесьем, по кустам, зигзагами замелькал меж кустов, появляясь то боком, то начинающими выцветать гачами, и был уже далеко... Афоня опустил ружьё, зло сплюнул в сторону Осколкова. Заяц дважды ещё мелькнул по-за кустам и исчез.

Запоздалый грохнул вслед выстрел.

Где-то в том месте надломилась веточка, подрезанная дробинкой, и повисла. Рассеянно и вкривь как-то улыбаясь, Спиридон Иваныч переламывал свой *бокфлинт* и доставал из ствола дымящуюся гильзу.

Афоня укоризненно качнул головой.

– Эко ты... пуделяешь как!

Однако же он вздел своё ружьишко на плечо и по привычке отправился проверить выстрел. Обрато Афоня появился крепко сконфуженный, держа в руке за задние ноги зайца. Выстрел казался настолько бесподобен, что от всего этого пахивало даже серой!

Над ухом у Спиридон Иваныча с досадой и завистью крякнул Осколков, кинул на глаза кепку.

– Оно так... когда за каждый-то ствол аж по тыще долларов плачено. Не то, что моя пукалка.

Спиридон Иваныч молчал. Ему хоте-

лось, как тогда Афоня, выглядеть тоже равнодушным и сердитым, но счастье такими широкими потоками изливалось из его тёмных, красивых глаз, что даже толстокожему Семёну Осколкову сделалось совестно. Он в упор уставился на гостя, хмыкнул:

– Ишь... жених!

И по-жеребьячи загоготал.

– Тихо! Тих-хо... – зашипел вдруг Афоня.

Троица разом насторожилась, поворотила головы. Гон нарастал, яркий, отчаянный, но шёл мимо предполагаемого лаза, забирал сильно в сторону. Афоня кинул зайца Спиридону Иванычу, отчаянно взвизгнул:

– Молоденький, не вишь?! Шумового стрелил!

И сам, сорвав с головы шапчонку, зарысил по дороге наперерез рыдающему, воющему взхлёб гону. Следом, хрюкнув, тяжело сорвался с места Семён, затопал сапожищами, неожиданно тонко и жалобно на ходу подвывая. Теперь было ясно, что отстрелянный заяц – это не тот, не гонный, а совсем другой, видимо, поднятый с лёжки проходившим поблизости гоним. А гонный, заслышав выстрел, круто изменил направление и уходил теперь в сторону, много левее.

Путаясь в клапанах, в пряжках, Спиридон Иваныч поспешно затолкал зайчишку в рюкзак и помчался за Семёном. Бежать пришлось метров полтораста, двести, и когда Спиридон Иваныч подоспел, гон успел перекинуться через дорогу и ушёл влево.

Там, на дороге, Семён с Афоней чего-то орали, доказывая друг другу, и тыкали руками в разные стороны. Наконец, оба замолчали, и только Семён ещё, не глядя на подошедшего, пробурчал себе под нос:

– С твоим бы тут, с ружьём-то... Черти тя носили!

Афоня, вытянув шею, молчал, напряжённо слушал вдаль, пытаясь угадать, куда на сей раз поведёт гон. Задача много усложнилась: на втором

кругу нащупать лаз и подставиться под зайца гораздо труднее. Осколков со Спиридоном Иванычем устались на Афоню свирепыми, выжидающими глазами и хрипло дышали.

Но вот... Афоня вздёрнул руку куда-то вверх, в сторону.

– Чуешь? Череменин Лог... повёл... В Череменин, точно! – Он вдруг сердито зыркнул глазами на каждого по очереди, повысил голос: – Цепью чтоб... попере́к гону. Не то промажем!

И все трое один за другим по кустам, через бурелом, болотиной где галопом, где рысью, рискуя оставить глаза на сучьях, помчались к Череменину Логу метров за триста, а то и за четыреста от дороги, стремясь упредить гон...

Гон оборвался неожиданно где-то вправо, на подходе к логу. Выжлец пару раз тьякнул и замолк.

Спиридон Иваныч, правда, ничего этого не слышал. Он встал, потому что наткнулся на Афоню и едва не сшиб его с ног. Кровь тугими толчками била в виски, в ушах стучало. То же самое и Семён.

– Скинулся, – прохрипел он, имея в виду зайца. Кепкой плотно вытер лицо.

Не успев отдышаться, охотники цепью по команде Афони начали подтягиваться к логу. Подтянувшись, одного Семёна, оставили на бугре, а двое начали спускаться вниз, стараясь не терять друг друга из виду.

Вскоре Спиридон Иваныч облюбовал себе подходящее место и остановился в кустах. Перед ним, чуть слева, уходил в небо здоровенный осиновый ствол, а за осинкой метров с полсотни чистая совершенно открывалась поляна. Где-то неподалёку, должно быть, стоял теперь и Афоня. Спиридон Иваныч весёлыми глазами ещё раз окинул полянку, чтобы убедиться окончательно, что место выбрано им преотличное и... ахнул!

Справа налево попере́к поляны, словно по заказу, нешибким скоком перемещался матёрый зайчище...

Ах ты, боже мой! Ну, не счастливец ли я? Замирая духом, Спиридон Иваныч вскинул бокфлинт, приложился и (ах, как славно приложился!)... И повёл за зайцем, целясь в голову, плавно подавил на крючок. И уже когда подавил, увидел, что заяц почему-то исчез! Но выстрел грохнул, брызнула в стороны древесная щепка...

Спиридон Иваныч, ошарашенный, бестолково усталился перед собой и не вдруг понял, что весь заряд пошёл в ту самую толстенную осину. О господи!

Вне себя от досады выдрался из кустов, из-за осины на чистое, заозирался. Показалось вроде, что-то мелькнуло впереди, помчался, заложив шляпу под мышку, туда... Совсем поблизости хлопнула Афонина одностволка... А сзади уже выжлец раскопал заячий след и с рёвом заметался из стороны в сторону по заячьим узорам и петлям.

– Ну? Где? – заорал Спиридон Иваныч, неожиданно набегая на Афоню.

Афоня, не глядя на него и вздувая жилу на шее, сам хрипло, с надсадой орал вдаль Семёну Осколкову на бугор:

– Семён?! На тебе пошё-ол!!! На тебе-е... Эге-гей!!! Не туды смотришь, левее! Левее гляди!

Из глубины лога на бугор, туда, где они оставили Семёна, видно, как метрах в полтораста мелькал по кустам зайчище. Но шёл он странно, подпрыгивая боком, вверх и как бы на месте. Медленно подавался в гору.

«Подранок, – пронеслось в голове. – Подвело-таки Афоню ружьишко». – И Спиридон Иваныч, не задерживаясь, бросился туда, на ходу размахивая шляпой, подпрыгивая и крича Семёну что-то нелепое и бессмысленное. А сверху, с бугра, широкий и массивный, как танк, приминая сапожищами кусты, наперерез прямо на зайца, вот-вот раздавит, с низким, утробным рёвом накатывался Осколков, подымал ружьё...

Заяц почему-то не отворачивал, хотя не мог не видеть и не слышать охотника. Скорее всего, он бежал уже мёртвый, незрячий, и в нём, в мёртвом,

продолжал жить один только страх – уйти, скрыться прочь от этого грохочущего, брызжущего огнём и болью со всех сторон ужаса. Рефлекс страха ещё заставлял сокращаться мёртвые мышцы, заставлял скакать, но едва ли зверёк чувствовал, что скачет на месте, почти не подаваясь вперёд, а только высоко и беспомощно вскидывая задом.

– Стреляй! Уйдёт! – истерично взвизгнул Спиридон Иваныч, хотя ясно видел, что заяц никуда уже не уйдёт.

Он видел, как Осколков, набегая, вскинул ружьё и с пяти шагов дуплетом в упор саданул из двенадцатого калибра по прыгающему белому пятну. Из стволов, было видно, на полметра рванулись длинные языки пламени, и справа, и слева от зайца вспухла и задымилась палая листва.

Но тотчас прогрохотали над лесом выстрелы.

– Мазепа! Падла! – с яростным удовольствием выкрикнул Спиридон Иваныч и захохотал.

Видя, что промазал, Осколков на ходу сапожищем пытался оглушить зайца или зацепить его хотя бы носком,

сбить наземь, но сапог пришёлся в пустое место, и его пронесло с горы ещё шагов на пятнадцать вниз.

А снизу, из лога, навстречу ему с рёвом пронёсся выжлец, налетел и грудью сбил зайца, вцепился в шею...

Всё смолкло.

Осколкову, наконец, удалось притормозить. Он развернулся и, тяжело ворочая толстым задом, бранясь, полез обратно в гору. Пинком отбросил кобеля в сторону и, схватив добычу, радостно загоготал, быстро притопывая ногами. Наверное, это был танец. Наплясавшись, бросил зайца, схватил на руки кобеля и троекратно облобызал его в обе щёки.

Спиридон Иваныч, возбуждённо взъерошив волосы, смеясь, обернулся к Афоне... увидеть его реакцию. Разделить радость азарта! Но тот сидел на пне спиной к ним обоим и не спеша разминал в корявых пальцах сигаретку. Спиридон Иваныч потоптался в растерянности и, в душе презирая себя... правда, непонятно, за что, полез вверх, к Семёну Осколкову на бугор.

Осколков, никого не дожидая, засовывал зайца себе в мешок.

